

Мршавко ШТАПИЧ

# ХРИСТИАНСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ АННЫ ДОЛГАРЕВОЙ

О книге «За рекой Смородиной» (2024)\*

Если бы поэт мог в нынешних условиях быть идеологом России, этим поэтом, несомненно, должна была бы стать Анна Долгарева. Ее поэзия, хоть маркируется кем-то буквой Z, хоть и в основе многих стихотворений — фактура Донбасса, на самом деле эта поэзия в высшей степени — ради мира и, что сегодня еще важнее, — национального примирения.

## Красные и белые

Долгарева, быть может, даже безотчетно, не рассматривая самое себя как автора цельной идеологической концепции, указывает путь к соединению советского и имперского прошлого России, к объединению красных и белых. Важно отметить, что эту идею найти у Анички можно и до стихотворений 2022—2023 годов, эта идея блестяще сформулирована в стихотворении «Бог говорит Гагарину». Вещь эта гениальна, потому что содержит совершенную мысль — *советскому человеку не хватало Господа, то есть красным не хватало веры белых*. Теперь же, «за рекой Смородиной», наши *праваки* воюют с теми, кто сносил памятники Ленину, наши *левые* воюют с теми, кто расколол церковь и осквернил Лавру. Наши вместе воюют с теми, кто воюет с Господом, потому что воюет с историей, отрицая Ленина и Пушкина, но ведь история в масштабе — суть вереница событий, произошедших по воле Его или Его попущению.

И сердце поэтическое принимает это вполне в своей форме:

...у бога они живые  
и комбриг этот жегший церкви познавший что нет смерти  
и этот большевик не заставший  
тридцать седьмого

\* СПб: издательство «Лира», 2024, 192 с.

Аничка обращается прямо или косвенно не раз к словам Христа, что «Бог не есть Бог мертвых». Но вот представить комбрига, сжигавшего церкви, в числе спасшихся или даже могущих спастись готов не всякий, и это, конечно, ярчайшая метафора, бьющая в глаз, спорная, вздорная даже, но иллюстрирующая мысль о примирении. Это так резко, как если бы наша Святая Церковь канонизировала Рокоссовского. Между тем именно такого радикализма требует примирение, победа над миром — и я отнюдь не призываю к канонизации маршала, но говорю об отношении к истории. Крайности вообще присущи стихам Анички:

Да, свет. Да, смерть. Да, это не финал.

Здесь вместо восклицания в ликующем нацбольском «да, смерть!» поставлена точка. Аничкино «да, смерть.» — это смиренное «да», это согласное с Иисусовым «ненавидящие мя любят смерть» — «да». Строчку же можно записать прозаически так: и стал свет, и явлена смерть, но душа бессмертна.

Небольшое отступление — к теме нацболов. Аничка — многие пишут через «е», но это ошибка. Аничка — это земляк и наследник Эдички, Эдуарда Вениаминовича Лимонова. Отчего эта наследственность важна нам в контексте примирительном и политическом? Лимонов, написавший «Ереси», заявивший, что съест Бога, коли Его увидит, хрипевший о том, что после смерти непременно попадет в вымышленную, чуждую всякому русскому Валгаллу, перед смертью, по свидетельству его адвоката Беляка, сам попросил поставить на своей могиле крест. Тот, кто кричал: «Да, смерть!», сменил интонацию и, находясь у черты, увидел жизнь вечную. *Красный получил веру белых — через скорбь*, и жаль, что не зафиксировал этого и не развил. Аничка же сразу идет дальше в вере, продолжая, однако, путь Эдички, храня то, что он имел — четкую государственность и приверженность имперской идее в ее цельности — в восприятии Руси-России-РСФСР-РФ как единой Родины. Эдичка же для Анички — наверное, один из тех комбригов, о коих сказано выше. Роднит их еще и то, что и Эдичка и Аничка — имперцы, римляне:

Обком звонит в колокол, предали нас анафеме. Нет хорошего русского, но мы в натуре ужасные русские. Типа как римляне, ущемляющие этрусков. Сорян, не потрафили.

Да, мы русские, римляне мы,  
наши шлемы блестят,

Да, спускались мы в ад, и с потерями —  
через ад...

Мотив искупления (открытие рая после крестных страданий и смерти Христа, сошествие Богочеловека во ад — это следствие искуплений грехов его кровью, именно тогда «свершилось») у Анички постоянен. Это — библейское отношение к войне, как к явлению

однозначно божественного характера, и в этом взгляде недавнее прошлое нашего государства, страны Советов, имеет свое и определенное место:

Как они уходят за реку Смородину,  
За реку Донец, за мертвую воду,  
За мертвую мою советскую родину,  
За нашу и вашу свободу.

В этих строках разъясняется функция советского наследия — именно оно «мертвое», как и «мертвая» сказочная вода, способная излечить смертельные раны, сокрыть увечья, но не пробудить к жизни. Нужна еще и вода живая — а для красного, как сказано выше, это, очевидно, вера.

Слоган «за нашу и вашу свободу», связанный с польской «борьбой за независимость» обыгран тут, как и «да, смерть», — в совершенно противоположном смысле. «За нашу и вашу свободу» у Долгаревой — это скорее расплата за эту так называемую свободу, за неспособность отдать волю Господу. И русские, и украинцы распорядились и распоряжаются этой «свободой» не лучшим образом, поэтому вновь проливают кровь братьев.

...а мы же росли на книжках гайдара,  
не того, а другого, правильного гайдара,  
прыгали через резиночку и уважали старых.  
были дети, а стали испуганные крысята.  
нет смешнее нас, поколения восьмидесятых.

Собственно, тут я, одноклассник Анички, могу расписаться. Трехтомник Гайдара с красным корешком (а у кого-то я видел такой же с оранжевым) — это было обязательное чтение. Падение до испуганных крысят — почти также неминуемо. Поколение восьмидесятых и расплывается. Тема расплаты встречается не раз и не два:

Как мы играли, не ведая, что творим,  
как мы сочиняли, не ведая, что творим,  
а теперь стоим перед ликом Твоим  
посреди разрушенных городов,  
небосвод широк, небосвод багров,  
и стоим — такие маленькие перед бу-ду-щим,  
и, как новорожденные, пищим,

потому что это все мы тут наиграли,  
а за нами не пришли, не убрали,  
по попе не надавали, некому стало...

Коллективный морок и до сих пор не дает многим ответа — что ж происходит, кто же дает по попе, а украинцы буквально вопрошают: «А нас за що?» А их за то же, за что и нас. Долгаревские «мы» — это

все мы, великороссы и малороссы, потому что суд в конце концов един и козлищ от агнцев Слово разделит, а эллинов от иудеев — нет. Страшные строчки — играть, не ведая, что творишь, потому что Долгарева, для которой Писание неизбежно, в уме держит не расхожую конструкцию, но точное понимание: «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят!» Первые слова Христа на кресте — обо всех, кто распинает и хулит, — и об иудеях, и о римлянах. И вот, нет более хохла и москаля, но все и во всем Христос. Принять это — непросто, но:

Над Россией метель рассеется  
И мороз рубанет сплеча,  
Но мое помещает сердце  
И убитого, и палача.

И вспоминаем 1937-й и повторяем:

Но мое помещает сердце  
И убитого, и палача.

И вспоминаем Гражданскую и:

Но мое помещает сердце  
И убитого, и палача.

И так много раз «и», покуда не вместит сердце.

## **Страна**

Восприятие страны, России, у Долгаревой — христианское, цельное. И тут можно разделить все стихотворения сборника на две части: «северные» (место действия — Рязань, Белое море и т. д.) и «донбасские».

«Северные», на мой взгляд, — попытка обретения новой фактуры в своем уделе, а «донбасские» — это идейные, советско-христианские вещи.

Выключается свет.  
Ночь будет чудищ полна.  
Но права моя страна или нет — это моя страна.

Последняя строчка цитируется довольно часто, но отдельно, а это в корне неверно, ведь смысл в такой усеченной цитате теряется. Ведь Аничка не о попустительском личном отношении к анархичному и хаотичному государству пишет; она пишет о готовности принять греховность Родины, ее худшее, о готовности нести расплату за нее, вместе с ней. Это высоко, это ветхозаветный плач Иеремии. И потому Долгарева говорит в своих стихотворениях о «долге», и этот долг — совсем не возить гуманитарку, этот долг — есть кашу из солдатского

котла в смысле лишения и тягот, это ровно долг из «Отче наш», ведь в тексте установленной самим Господом молитвы долг есть грех; когда Долгарева говорит «мой долг», это она признает свое в общем падении. Убеждаешься в этом, когда читаешь другое:

...раздробленный  
мир —  
нет ничего кровавее и грязнее.

Вот в этом грязном кровавом мире, лишенном света, и работает «это моя страна». И это первый шаг к тому, что имеет развитие:

Я не умею ничего исправить,  
Но я фиксирую: вот так они стоят

Еще живые, а потом не очень.

Кстати, о фиксации/зрении — одно из немногих молитвенных обращений:

Господи, если Ты там не очень занят — дай мне силы смотреть глазами,  
взгляда не отводя.

«Если Ты там не очень занят» — это все равно что сказать «впрочем, да будет воля Твоя», только у Анички это такое женское, наивное обращение. Абсолютно точно, что путешествие «одной военной корреспондентки» — это путь смирения, совершенно христианский в точном понимании первой заповеди блаженства: «блаженны нищие духом»:

Вот имена — пожалуйста, молись.

Это все, что, помимо возможности фиксации, дано лирической героине. Тема смиренного, христианского отношения к судьбе Отечества и готовность разделить с ним судьбу прослеживается и далее:

И если чума, и если война,  
И если горящий куст,  
И если в крови и пепле страна —  
Не я от нее отрекусь.

Чума-война-горящий куст — это вся цельность Писания, от Пятикнижия до Откровения, от Моисея до Иоанна Богослова. А формула «не я от нее отрекусь» (не знаю, Аничкина ли или заимствованная) — гениальна, ведь это синтаксис Тайной вечери (если следовать Синодальному переводу на русский), от Матфея, 26 глава, где апостолы спрашивают: «Не я ли, Господи?», и где предсказано отречение Петра. И вопрос «не я ли», как и всё в Евангелии, касается каждого. Вот Долгарева на него ответила.

## Смерть в саду

А Андрюха ходит по яблоневому саду,  
на ветру струится ковыль.  
А Андрюха смеется, ему ничего не надо,  
на лице у него пыль,  
голова у него в цветку, в цветах.  
Голова у него в кустах.

и

Воин уходит в подсолнухи,  
Становится степью.

Погибшие растворяются в природе, в среде, в мире. И покуда пропагандисты с обеих сторон могут кричать про «удобрения», которыми становятся солдаты, Аничка видит, как они превращаются в сад, в степь, становятся частью пейзажа как естественного божественного откровения. Сад и яблоня, кстати, постоянные символы у Долгаревой, постоянные настолько, что это, наверное, требует отдельного изучения, но я склонен трактовать яблоню и сад именно как божественное откровение и как раз в силу незыблемости этого символа, потому как неизменность — черта божественная.

Нужно сказать, что такой же символической мощью у Долгаревой обладает река — и имен ей много: Ингулец, Донец, Смородина, Стикс. Функции реки многообразны, главенствует мотив перехода, и это никогда не форсирование, не атака, но перемена фазы, этап, иногда река и сама — смерть, разделяющая две жизни. Тут самое важное в таком коротком формате указать, что «за рекой Смородиной» находится лирическая героиня. Аничка тут не соврет: столько мертвых она проводила до этой реки, что уже и сама частью на том берегу. Это не пафос, это скорбь дает такую возможность.

«...Да, мы прах и порох», — пишет Аничка.

«Мол, земля мы, и прах, и порох, и артснаряд», — утверждает она в другой раз.

Вот Авраамовы «прах и пепел» становятся прахом и порохом. Прах здесь — догмат от праотца, а порох, горячий, смертоносный, — эпитет войны, но в этой формуле порох как бы приравнен пеплу и все одно — говорит о ничтожности человека перед Всевышним. Аничке вообще удастся играть с фразеологизмами, штампами, со всем устойчивым и хорошо известным. Вот Долгарева чеканит смыслы, ниспровергая Ницше легко и точно:

*То, что нас убивает, делает нас сильнее.*

О, как хороши эти слова, как точны, в них — отгадка непобедимых христиан: идущие за Христом смертью попирают смерть, погибая — побеждают. Тут «мы» — нация веры, нация истины, нация-монах, нация-панк.

Я молилась, чтоб не пришлось  
тебя хоронить,  
И действительно опоздала на похороны.

А это лирическая героиня у берега той самой реки, принявшая божественную иронию в скорби. За этим, как и почти всегда у Анички, — реальная история автора.

О воинах, которых пришлось проводить и не случилось, о павших и живых у нее — целый ряд стихотворений и поэма; Паганель, капитан Берег, Закат и другие — они собираются в отряд, в сонм; неясно пока, каковы очертания их коллектива, потому я, надеясь, конечно, что список этот завершен, подожду, пока Аничка поставит в нем точку, и тогда уже можно будет о нем отдельно поговорить и написать.

## **Гагарин отправляется**

Поэзия идейная у Анички — это женская поэзия, это от большого сердца, от дара смирения. Ведущее, величайшее внутриполитическое устремление — через нищету духа, в скорбях обрести будущее:

Наши кости станут стенами новой империи.  
Наша кровь станет космическим топливом.

Ракета для нового Гагарина должна быть заправлена, чтобы он отправился на встречу с Господом.

